

УДК 347.1  
ББК 67.404

## ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

О. В. Журкина

*Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)*

**Аннотация:** Статья посвящена исследованию теоретических и практических аспектов признания искусственного интеллекта в качестве субъекта гражданского права. В условиях стремительного развития технологий машинного обучения и нейронных сетей возникает необходимость переосмысления традиционных правовых категорий и институтов. В работе анализируются существующие подходы к определению правосубъектности, рассматриваются особенности искусственного интеллекта как потенциального участника гражданских правоотношений, исследуются зарубежный опыт и перспективы правового регулирования в данной сфере. Особое внимание уделяется вопросам ответственности за действия систем искусственного интеллекта, проблемам идентификации и регистрации таких систем, а также возможным моделям наделения их элементами правосубъектности. Результаты исследования могут быть использованы при разработке законодательства в области регулирования искусственного интеллекта и формировании доктринальных подходов к пониманию его правовой природы.

**Ключевые слова:** искусственный интеллект, правосубъектность, гражданское право, цифровая личность, автономные системы, юридическая ответственность, электронное лицо, правоспособность, дееспособность, цифровая трансформация права

## ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SUBJECT OF CIVIL LAW

O. V. Zhurkina

*Orenburg State University (Orenburg, Russia)*

**Annotation:** The article is devoted to the study of theoretical and practical aspects of the recognition of artificial intelligence as a subject of civil law. With the rapid development of machine learning technologies and neural networks, there is a need to rethink traditional legal categories and institutions. The paper analyzes existing approaches to the definition of legal personality, examines the features of artificial intelligence as a potential participant in civil law relations, and examines foreign experience and prospects for legal regulation in this area. Special attention is paid to the issues of responsibility for the actions of artificial intelligence systems, the problems of identification and registration of such systems, as well as possible models for endowing them with elements of legal personality. The results of the research can be used in the development of legislation in the field of artificial intelligence regulation and the formation of doctrinal approaches to understanding its legal nature.

**Keywords:** artificial intelligence, legal personality, civil law, digital personality, autonomous systems, legal responsibility, electronic person, legal capacity, legal capacity, digital transformation of law.

**Doi:** [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)3.14](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)3.14)

Развитие технологий искусственного интеллекта ставит перед юридической наукой фундаментальные вопросы о границах и содержании базовых правовых категорий. Традиционное понимание субъекта права, сформировавшееся в эпоху, когда единственными разумными существами считались люди, сегодня подвергается серьезному переосмыслению. Системы искусственного интеллекта демонстрируют способность к самостоятельному принятию решений, обучению на осно-

ве опыта, творческой деятельности и даже проявлению эмоциональных реакций, что заставляет задуматься о возможности признания за ними определенного правового статуса.

Актуальность темы обусловлена не только теоретическим интересом, но и практической необходимостью урегулирования отношений с участием автономных интеллектуальных систем. Беспилотные транспортные средства, торговые роботы на финансовых рынках, медицинские диагностические системы и множество других применений искусственного интеллекта уже сегодня функционируют с высокой степенью автономности, принимая решения, которые влекут юридически значимые последствия.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе теоретических оснований и практических механизмов признания искусственного интеллекта субъектом гражданского права. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать существующие концепции правосубъектности и их применимость к системам искусственного интеллекта; выявить особенности искусственного интеллекта, имеющие значение для определения его правового статуса; исследовать зарубежный опыт правового регулирования в данной сфере; предложить возможные модели наделения искусственного интеллекта элементами правосубъектности.

Искусственный интеллект — кибернетическая система, сочетающая компьютерное программное и аппаратное обеспечение с когнитивной функциональной архитектурой и достаточной вычислительной мощностью для выполнения необходимых функций [6, с. 94].

Антонов А. А. выдвигает теорию, согласно которой искусственный интеллект может быть определен как «правовой эквивалент физического лица». Данный вывод основан на проведенном автором сравнительном анализе процедуры установления дееспособности человека, которую он рассматривает как системное сходство между алгоритмической природой принятия решений искусственным интеллектом и психическими процессами, лежащими в основе человеческой дееспособности [1, с. 23].

Вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта невозможно рассматривать в отрыве от общей теории субъекта права. В современной юридической науке под субъектом права понимается лицо, обладающее правосубъектностью, то есть способностью иметь и осуществлять права и обязанности. Правосубъектность традиционно включает в себя правоспособность и дееспособность, причем первая понимается как абстрактная возможность иметь права и обязанности, а вторая — как способность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать и исполнять обязанности.

Воронов М. В., Пименов В. И. обращают внимание на существенный аспект дискуссии о правосубъектности искусственного интеллекта, связанный с экономическими интересами разработчиков. По их мнению, использование модели правосубъектности юридического лица для регулирования статуса искусственного интеллекта создает потенциальные возможности для ухода от социальной ответственности [3, с. 68].

Новоселова Л. А. занимает принципиальную позицию относительно невозможности признания искусственного интеллекта полноценным субъектом права. В основе её аргументации лежит тезис о том, что неотъемлемым свойством правосубъектности является способность самостоятельно реализовывать права и исполнять обязанности. Поскольку системы искусственного интеллекта функционируют в рамках заданных алгоритмов и остаются под постоянным контролем человека, их деятельность не может рассматриваться как автономная воля, а представляет собой опосредованное выражение воли разработчика или пользователя [5, с. 33].

Исторически категория субъекта права развивалась от признания правосубъектности только за свободными гражданами до включения в число субъектов всех физических лиц независимо от их социального статуса. Параллельно шел процесс формирования института юридического лица как особого субъекта права, не совпадающего с физическими лицами. Создание конструкции юридического лица стало революционным шагом в развитии права, позволившим признать субъектами права образования, не обладающие биологической природой человека. Этот исторический прецедент имеет принципиальное значение для обсуждения возможности признания правосубъектности искусственного интеллекта.

Современные системы искусственного интеллекта обладают рядом характеристик, которые традиционно ассоциировались исключительно с человеческим разумом. Способность к обучению по-

звояет им накапливать опыт и совершенствовать свое поведение без прямого программирования каждого действия. Автономность проявляется в способности функционировать без постоянного человеческого контроля, самостоятельно определяя оптимальные способы достижения поставленных целей. Некоторые системы демонстрируют креативность, создавая произведения искусства, музыкальные композиции или изобретения, которые могут быть признаны объектами интеллектуальной собственности.

Особенно важным представляется свойство непредсказуемости поведения сложных нейронных сетей. После обучения на больших массивах данных такие системы принимают решения на основе выявленных закономерностей, которые не всегда могут быть объяснены или предсказаны даже их создателями. Это свойство ставит под сомнение традиционную модель ответственности, основанную на причинно-следственной связи между действиями разработчика или владельца и результатами работы системы.

Наиболее дискуссионной точкой зрения в концепции наделения ИИ правовым статусом является позиция рассмотрения ИИ в качестве «электронного лица». В научной литературе встречается определение данного понятия, предложенное Ф. В. Ужовым: «...это носитель искусственного интеллекта (машина, робот, программа), обладающий разумом, аналогичным человеческому, способностью принимать осознанные решения и в силу этого наделённый определёнными правами и обязанностями» [2, с. 165]. Однако следует отметить, что концепция «электронного лица» не получила широкого признания в юридической науке.

Анализ зарубежного опыта показывает, что различные страны находятся на разных этапах осмысления правового статуса искусственного интеллекта. Европейский парламент в 2017 году принял резолюцию с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовым нормам в робототехнике, в которой предложил рассмотреть возможность создания особого правового статуса для роботов — статуса «электронного лица». Согласно этой концепции, наиболее сложные автономные роботы могли бы наделаться статусом электронных лиц с особыми правами и обязанностями, включая возмещение причиненного ими вреда.

В Эстонии разрабатывается концепция «алгоритмической ответственности», предполагающая создание специального правового режима для автоматизированных систем принятия решений. Южная Корея приняла «Хартию этики роботов», устанавливающую принципы взаимодействия людей и интеллектуальных машин. В США дискуссия сосредоточена преимущественно на вопросах распределения ответственности между разработчиками, производителями и пользователями систем искусственного интеллекта, без признания за последними самостоятельной правосубъектности.

Российское законодательство пока не содержит специальных норм о правовом статусе искусственного интеллекта. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека, но не затрагивает вопросы правосубъектности. Вместе с тем в доктрине активно обсуждаются различные подходы к решению этой проблемы.

Один из предлагаемых подходов заключается в создании новой категории субъектов права — цифровых или электронных лиц.

Модель представительства предполагает, что искусственный интеллект действует от имени и в интересах своего владельца, но это не всегда соответствует реальному характеру функционирования автономных систем. Концепция квазисубъектности представляется компромиссным решением, позволяющим наделить искусственный интеллект некоторыми элементами правосубъектности без полного уравнивания его с физическими или юридическими лицами.

Важным аспектом проблемы является вопрос об объеме правосубъектности, которым может быть наделен искусственный интеллект. Представляется, что на начальном этапе речь должна идти о специальной правосубъектности, ограниченной определенными сферами деятельности. Например, торговые роботы могли бы наделаться правом совершать сделки в пределах установленных параметров, медицинские диагностические системы — правом выдавать заключения с определенной юридической силой, беспилотные транспортные средства — обязанностью соблюдать правила дорожного движения и нести ответственность за их нарушение.

Признание правосубъектности искусственного интеллекта потребует решения ряда технических вопросов. Необходимо разработать систему идентификации и регистрации систем искусственного интеллекта, аналогичную государственной регистрации юридических лиц. Требуется определить критерии, при соответствии которым система искусственного интеллекта может претендовать на получение правового статуса. Такими критериями могут быть уровень автономности, способность к обучению, сложность решаемых задач, потенциальные риски причинения вреда.

Искусственный интеллект, даже самый совершенный, остается сложным инструментом, продуктом алгоритмических процессов и данных, сформированных человеком. У него нет внутренних желаний, правосознания или понимания смысла собственных действий, он лишь симулирует принятие решений на основе заданных параметров. Главным аргументом против является проблема ответственности. Любой субъект права должен самостоятельно отвечать за последствия своих действий, будь то выполнение обязательств или возмещение вреда. Невозможно представить, как к алгоритму можно применить меры юридической ответственности — заставить его компенсировать ущерб, ограничить в правах или привлечь к суду [4, с. 151].

Особого внимания заслуживает проблема имущественной ответственности искусственного интеллекта. Если признать за ним способность нести ответственность, необходимо решить вопрос об источниках ее обеспечения. Возможными вариантами являются создание обязательного страхования ответственности систем искусственного интеллекта, формирование специальных фондов или имущественных масс, закрепленных за конкретными системами, установление субсидиарной ответственности владельцев или разработчиков.

Представляется, что оптимальным решением на современном этапе является поэтапное, эволюционное развитие правового регулирования. Первым шагом может стать законодательное закрепление особенностей ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта, с установлением презумпций и специальных правил распределения бремени доказывания. Далее возможно введение регистрации наиболее сложных и потенциально опасных систем с установлением требований к их безопасности и прозрачности алгоритмов. На следующем этапе может быть рассмотрен вопрос о наделении отдельных категорий систем искусственного интеллекта элементами правосубъектности в конкретных сферах деятельности.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что вопрос о признании искусственного интеллекта субъектом гражданского права является комплексной междисциплинарной проблемой, требующей взвешенного подхода с учетом технологических, правовых, экономических и этических факторов. Современный уровень развития технологий искусственного интеллекта и степень его интеграции в общественные отношения создают объективные предпосылки для переосмысления традиционных правовых категорий.

Анализ характеристик современных систем искусственного интеллекта показывает, что они обладают свойствами, которые в определенной степени сопоставимы с признаками субъекта права: автономностью, способностью к целенаправленной деятельности, возможностью вступать в общественные отношения. В то же время отсутствие сознания в человеческом понимании, эмоциональной сферы и моральной ответственности не позволяет полностью уравнивать искусственный интеллект с традиционными субъектами права.

Оптимальным представляется подход, предусматривающий создание особой категории квази-субъектов или электронных лиц с ограниченной, специальной правосубъектностью. Такой подход позволит обеспечить правовое регулирование отношений с участием автономных интеллектуальных систем, не разрушая при этом фундаментальные основы правовой системы. Важно, чтобы развитие законодательства в этой сфере происходило постепенно, с учетом накапливаемого практического опыта и технологического прогресса.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных механизмов правового регулирования, включая критерии признания правосубъектности искусственного интеллекта, процедуры регистрации и идентификации, правила распределения ответственности, особенности участия в различных видах правоотношений. Необходима также гармонизация

национального законодательства с международными подходами к регулированию искусственного интеллекта, что обеспечит эффективное функционирование таких систем в условиях глобализации.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антонов А.А. Искусственный интеллект: вопросы правосубъектности / А.А. Антонов // Юрист. — 2023. — № 9. — С. 23–28.
2. Балабанов А.А. О правосубъектности искусственного интеллекта / А.А. Балабанов, Е.А. Маловичку, Ю.Н. Боярская // Образование и право. — 2024. — С. 164–168.
3. Воронов М.В. Системы искусственного интеллекта / М.В. Воронов, В.И. Пименов, И.А. Небаев. — М.: Юрайт, 2025. — 268 с.
4. Королькова Д.А. Искусственный интеллект как объект гражданского права / Д.А. Королькова // Закон и право. — 2024. -№ 2. — С. 151–155.
5. Право интеллектуальной собственности /под редакцией Л.А. Новоселовой. — 3- е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 335 с.
6. Понкин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник РУДН. — Серия: Юридические науки. — 2018. — № 1. — С. 91–109.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

**Журкина** Ольга Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, Оренбургский государственный университет, olga\_fv@inbox.ru.